

Симонов Константин

Первая любовь

Константин Симонов

Первая любовь

* Первая глава *

В пятнадцать лет - какие огорченья? Мальчишеские беды нам не в счет; Сбежал из дому - попроси прощенья, Расстался с ней - до свадьбы заживет.

Так повелось: сначала вспомним сами, И сразу на смех - разве не смешно, Что где-то за горами, за лесами Мы ключ от детства бросили давно?

Мы не спеша умнеем год за годом, Мы привыкаем к своему углу, Игрушкой с перекрученным заводом Спит наше детство где-то на полу.

Дай бог нам всем когда-нибудь, когда Мы заболеем старостью и грустью, На пять минут забыв свои года, Увидеть юность в волжском захолустье.

В пятнадцать лет у каждого свое, Но взрослым всем нам поровну приснится Прощанье с детством, хитрый взгляд ее Сквозь нехотя вспорхнувшие ресницы. Подумать только, сколько лет назад, И все-таки он с ясностью печальной Мог вспомнить тот, казалось им, прощальный, А в самом деле только первый взгляд.

Стоят на разных улицах фасады, Но в две ограды сдвинулись дворы, И, если хочешь, можно из засады Смотреть, как, чертыхаясь от жары, Ее отец пропальвает грядки, Как ходит мать, как целые часы Она сама, уткнувши нос в тетрадки, Мух отгоняет хвостиком косы.

И вдруг слетит с насиженного места И колесом пройдет через двор. - Стыдись, Мария. Ты уже невеста, Пойди сюда,- и скучный разговор, Который, верно, кончится не скоро, И надо ждать и, косу теребя, Смотреть, как тоже в дырочку забора Чужой мальчишка смотрит на тебя.

Зимой, когда подсыпало снежка, В своей засаде сидя, то и дело Он видел, как она исподтишка Через забор в их сторону глядела.

Такого не бывало до сих пор, А впрочем, просто снег сгребали с крыши. В сугробах весь, чуть ниже стал забор, А может быть, и девочка чуть выше.

Весной с отцом и матерью она Уехала к своей родне за Волгу, И надо ж так совпасть, что вся весна Была в тот год дождливою и долгой.

Лениво голубей гонял шестом Бог с нею, с этой голубиной славой, И по привычке на дворе пустом Все ждал услышать голосок картовый.

И вдруг вернулась. Он и не узнал. Поближе разглядеть бы попроситься. Где детство - исцарапанный пенал, Босые ноги, платице из ситца?

Как будто в дом вернулась не она, Не девочка, а старшая сестрица. Соседскому мальчишке грош цена Для барышни, успевшей опериться.

По воскресеньям - женский гребешок, Чулочки вместо темной детской кожи И каблучки - без малого вершок, Еще не как у матери, но все же...

Еще коса, но шпилек полон рот; У зеркала, от старших втихомолку, Сердито спрячет девочкину челку, В тяжелый узел косу соберет.

Еще спасибо, в городском саду Никто из взрослых не гуляет с нею. Что может быть бессильней и больнее, Чем ревность на шестнадцатом году?

Пусть даже ты немножко вырос тоже, Пускай ты на год старше и умней, Мы рядом с нею все равно моложе, Нам очень впору позабыть о ней.

И вот вчера, как будто зная это, Ее отец решил менять жилье. Вozy скрипели, и

как хвост кометы, Летело сзади по ветру белье.

Коробилась посуда жестяная, Шкафы вставали дыбом, как стена, И, в старом детском ситчике, сквозная, С вещами рядом молча шла она.

Он не пошел за нею. Очень надо! Весь день сидел волчонком, ждал отца, Чтоб, вдруг вспыхнув от слова или взгляда, Стать всем назло несчастным до конца.

И к вечеру дождался - глупый спор, Сердитое лицо отца за чаем И тот непоправимый разговор, Который мы не сразу замечаем.

Мать выбежала следом без платка, И он чутьем почувствовал сквозь слезы Морщинистая легкая рука Была сильнее, чем ссоры и угрозы.

Бог с ним, с отцом, но с матерью беда, Она не скажет: "Скатертью дорога", Послушаться ее - так никогда Не убежишь, не перейдешь порога.

Он даже обещал ей, на беду: - Да, возвращусь, да, попрошу прощенья, Он руки целовал ей на ходу, Все в тесте от домашнего печенья.

Уже к потемкам, в поисках ночевки, Добрел до черных волжских пристаней; Железный хлам, смоленые бечевки, Далекое движение огней.

Полуночные волжские пески. Весь в зарослях, весь в уголках укромных, Построенный посереде реки Ночной приют влюбленных и бездомных.

В пятнадцать лет тут будет не до сна: Обрывки чьих-то жадных разговоров, Притворный вздох, и снова тишина, И платья задышающийся шорох.

Как маленькие звери, на песке Лежат полузарытые ботинки, И наспех снятых блузок паутинки Качаются на легком ивняке.

Был нами аист в девять лет забыт, Мы в десять взрослых слушать начинали, В тринадцать лет, пусть мать меня простит, Мы знали все, хоть ничего не знали.

В пятнадцать лет томленье по утрам До хруста кости выгнуть непременно. Заезжий цирк. Пристрастие к лошадям, К соленым потным запахам арены.

Не девочка в тумане голубом, Не старенькое платьице из ситца, Тут можно было в стенку биться лбом, Не зная, чего ты хочешь, и беситься.

Он лег ничком на выжженном песке. Высокая, спокойная, большая, Рукой небрежно ветви раздвигая, Нагая женщина прошла к реке.

Закрыв глаза, он видел, как кругами От сильных взмахов прыгает волна, Потом затихло. Легкими шагами С ним рядом вышла на берег она.

Пучок волос из-под косынки вылез. Он видел все - припухлости у рта И ниточку загара там, где вырез Кончался, как запретная черта.

Она сжимала волосы руками, В тяжелый жгут согнув их пополам. Вода в песок сбегала ручейками По длинным, зябшим на ветру ногам.

Она, рассыпав волосы, лениво Закрыла ими грудь от ветерка, Всем телом наклонясь, неторопливо Комочек платья подняла с песка.

Но платье надеваться не хотело, На нем темнели мокрые следы Там, где еще не высохшее тело Все было в мелких капельках воды.

Из-за кустов позвали: - Надя! Надя! Откинув наспех волосы с лица, Пошла на голос, под ноги не глядя, Не натянувши платья до конца.

Он вдруг устал от душной темноты. На глубине за дальними песками На якорях стоявшие плоты Всю ночь ему моргали огоньками.

Стянув покрепче платье в узелок, Легко гребя свободною рукою, Поплыл к плотам и лег на край досок Над черной, тихо шлепавшей рекою.

Так низко проплывают облака, Что можно лежа зацепить руками, На мачтах два зеленых огонька, Как лампочки, висят под облаками.

Сюда приедет через много лет Тот, кто в твоих мальчишеских тревогах Найдет обратный позабытый след Всего, что растерял он на дорогах.

Он с виду равнодушно, как прохожий, Весь город молча обойдет пешком, Ни на кого из здешних не похожий, Он будет пахнуть крепким табаком,

Все будет в нем бывалое, мужское И слишком громкий одинокий смех, И даже то, как ловко он, рукою Прикрыв огонь, закурит без помех.

Он все поймет, он будет долго-долго Сидеть с тобой на берегу реки, Смотреть на расходившуюся Волгу, На пляшущие красные буйки.

Он вспомнит без раскаянья и желчи Все, даже то, что ты не знаешь сам, Шершавую мужской ладонью молча Он проведет по детским волосам.

Но, боже мой, как долго ждать свиданья, Как трудно молчаливому тому, Кто через двадцать лет свои страданья Расскажет вслух себе же самому!

На головном плоту трещал огонь, Шипя, тонули искры под водою, Ловя их с лету в красную ладонь, Волгарь с широкой белой бороною

Неторопливо говорил своим Плашмя лежавшим на плоту соседям: - Такая жизнь - поедем, постоим, Поедем, постоим, опять поедем...

* Вторая глава * 1 Мужские неуютные углы, Должно быть, все похожи друг на друга. Неделю не метенные полы, На письменном столе два черных круга От чайника и от сковороды, Пучок цветов, засохших без воды, Велосипед, висящий вверх ногами, Две пары лыж, приставленных к окну, Весь этот мир, в длину и в ширину Давно измеренный тремя шагами. Как хорошо мы помним до сих пор Нехитрые мальчишеские трюки: Мгновенно в угол заметенный сор, Под тюфяком разглаженные брюки, И галстук, перед праздником за сутки Заботливо заложенный в словарь, И календарь стенной, на самокрутки Оборванный вперед на весь январь, Пиджак, зашитый грубыми стежками, Тетрадка с юношескими стишками...

Несложные предметы обихода, Треногий стол и голая стена Все ждало здесь, когда придет она, Желая и страшась ее прихода.

И сам хозяин скучными ночами Мечтал ее в свой угол привести, Рубиться с кем-то длинными мечами, Бог знает от кого ее спасти.

Он клялся быть ей верным до могилы, Он звал ее, он ждал ее сюда. Ждал год и два. Потом почти всегда Она в конце концов к нам приходила

И говорила: "Бедный, дорогой", Какое-то незначущее слово, Которое, услышав раз-другой, Мы каждый день хотели слышать снова.

Все стены в доме были той системы, Когда, имея даже скверный слух, Живя в одной из комнат, вместе с тем мы Почти живем еще в соседних двух.

И если у соседа есть жена, То, обхвативши голову руками, Ты все же слышишь, как, ложась, она Роняет туфли, стукнув каблуками.

А впрочем, женщин в доме было мало, Мужское беспокойное жилье; Мы сами, помню, по утрам, бывало, Стирала в умывальниках белье.

Когда я снова роюсь в этих датах, Я и донныне верю, не шутя, Что в тридцать первом не было женатых, Что все женились года два спустя.

Он уезжал отсюда. Есть пора, Когда мы поглубевшими руками Должны потрогать
острие пера, Почувствовать себя учениками,

Должны сменить, уехав налегке, Строительный привычный беспорядок На кляксы
ученических тетрадок, На узкую кровать в студгородке.

Он вдруг себя почувствовал подростком С потертой школьной сумкой на спине. Он
был готов ночей не спать на жестком, На самом неудобном топчане.

Учителям, как в детстве, глядя в рот, Сидеть на ученической скамейке, Жевать на
завтрак тощий бутерброд, Считать стипендий скудные копейки.

2 Мать, по своей старушечьей привычке, Явилась на вокзал за целый час. В ее
бауле сыну про запас Лежал цыпленок, булочки, яички.

С тех пор как, убедив ее с трудом, Чтоб каждый день по десять верст не делать,
Уехал сын в заводский дальний дом, Ей все казалось, что недоглядела,

Что надо б не пускать его в отъезд. Зазвав к себе, ему котлетки грела, Как он их
уплетал, с тоской смотрела. Бедняжка, верно, там-то плохо ест...

Есть матери - блажен, кто их имеет, Нам кажется порою, может быть, Они всего на
свете и умеют, Что только нас жалеть, кормить, любить...

Но если сын обижен ни за что, Заняв на бесплацкартный у знакомых, В своем
потертом, стареньком пальто Они дойдут до самого наркома.

Но вместо сына к первому звонку Явилась вдруг она, его девчонка, В мужской
ушанке, с сумкой на боку, В короткой курточке из жеребенка.

Мать ей навстречу важно чуть привстала, Морщинистую руку подала. Пока
девчонка что-то щебетала, Мать на нее смотрела из угла.

Ну да, конечно, с синими глазами И даже с ямочками на щеках. И щеки не
изъедены слезами, И ни одной морщинки на руках.

Ну что ж, она не осуждала сына. Так повелось: растишь, хранишь, потом Чужая
девушка махнет хвостом, И он уйдет за нею на чужбину...

Сын, правда, говорил ей, что девчонка Ему близка как друг или сестра, Но он
мальчишка, а она стара, Где дружит сын - там, значит, жди внучонка.

Ей захотелось девушке сказать, Чтоб все-таки она не забывала, Что жениха ей
вырастила мать, Что мать его в морозы укрывала,

И если мальчик стал большим мужчиной, Который ей сейчас милее всех, Пусть
помнит - тут и мать была причиной. Старухе поклониться бы не грех...

Но вот и он. И, ежась от мороза, Из дымной залы вышли на перрон. Мать отошла. А
девушка и он Пошли пройтись вперед, до паровоза.

Мать провожала их ревнивым взглядом. Вот сын пришел, а ты опять одна. Он до
свистка проходит с тою рядом И той последней крикнет из окна...

Как два влюбленных, словно все в порядке, Он и она шли вдоль платформ ночных.
Она забыла взять с собой перчатки, Он грел ей руки, спрятав их в своих.

Но, боже мой, чего бы он ни дал, Чтоб знать - она нарочно их забыла... Чтоб знать,
приятно ли сейчас ей было, Что он ей руки греет. Как он ждал,

Чтоб из обычных ледяных границ Она бы вырвалась хотя бы на мгновенье!
Пустячное дрожание ресниц, Короткий вздох, одно прикосновенье.

Но что он может знать, когда она Все так же, не менясь год от года, Светла и

безнадежно холодна, Как ясная январская погода!

Оставь ее - и ты легко прощен, Вернись опять - она и не заметит, Ее холодным солнцем освещен, Забудешь ты, как людям солнце светит.

Ему хотелось вместо всех "прости", Не долго думав, взять ее в охапку, Взять всю как есть, с планшеткой, с шубой, с шапкой, Как перышко, в вагон ее внести...

Но, не дождавшись третьего звонка, Он, даже не простившись хорошенько, Сказал ей равнодушное "пока", Легко вскочил на верхнюю ступеньку.

Состав пошел. Стянув перчатки с рук, Мать вдоль платформ за сыном зачастила И, виновато поглядев вокруг, Из-под полы его перекрестила.

Последнее лицо в оконной раме, Последний шепот: "Кутайся тепло", И кто-то сквозь замерзшее стекло Кричит, беззвучно шевеля губами.

Мать с торжеством на девушку взглянула Не ей, а старой матери своей Уже с подножки руки протянул он И помахал фуражкой из дверей.

Но девушка ее не замечала. Она, давась от подступивших слез, Смотрела вдаль, туда, где все кончалось, Где вился дым и таял стук колес.

Мать видела - на воротник упала Тотчас стыдливо стертая слеза. Куда и ревность разом вся пропала. Заплаканные синие глаза

Ей показались мягче и грустнее. Что ж, мать порой ревнует невпопад, Но, если мы о сыне плачем с нею, Нам эти слезы полвины скостят.

- Голубчик мой, я так одна скучаю, Я так давно к себе вас не звала. Голубчик мой, пойдемте выпьем чаю...И девушка безропотно пошла.

До самой двери долгий путь ночной Мать ей тихонько на ухо шептала, Какой он в раннем детстве был больной, Каких лекарств она ни испытала,

Как восемь лет кругом была война, Как трудно приходилось с докторами. Как, если будет у него жена, Должна жена быть благодарна маме.

3 Всегда назад столбы летят в окне. Мы двадцать раз проехать можем мимо, Они опять по той же стороне К нам в прошлое летят неумолимо.

Он знал ее давно, давным-давно, Когда-то в детстве жил он рядом с нею, Еще мальчишкой, прячась и бледнея, Подглядывал за ней через окно.

Он помнит платье в ситцевых цветах, И по двору мельканье пестрой юбки, И хитрый взгляд, когда она, устав, Садилась на виду, поджавши губки,

И блеск уже тогда лукавых глаз, И худенькие девочкины руки. Он слишком много для мальчишки раз Об этом думал за семь лет разлуки.

И вдруг ее увидеть наяву! Она его сначала не узнала. - Где вы теперь живете? - Я живу...И улицу знакомую назвала.

- А я ведь вас ходил искать не раз. - Искать меня? - Вы жили рядом с нами. Тогда вас звали Машею.- А вас? И снова обменялись именами.

Он говорил с ней нарочито грубым, Еще не устоявшимся баском. Когда она подкращивала губы, Он вытирал их носовым платком.

Под зонтиком, сквозным как решето, В весенний дождь она терпела кротко, Пока с ворчливой нежностью пальто Застегивал он ей до подбородка.

Они гордились дружбою своей, Тем, что они так по-простому дружны, Что друг от друга ни ему, ни ей, Казалось, больше ничего не нужно.

Она, по крайней мере, много дней Его к невинной дружбе приучала, Но он, с тоской поверив в этом ей, Себе не верил с самого начала.

Раз так стряслось, что женщина не любит, Ты с дружбой лишь натерпишься стыда, И счастлив тот, кто разом все обрубит, Уйдет, чтоб не вернуться никогда.

Он так не смог, он слишком был влюблен, Он не посмел рискнуть расстаться с нею. Чем больше дней молчал и медлил он, Тем было все труднее и стыднее.

И воровским казался каждый взор, И каждое пожатие - нечестным. Но девушке, пожалуй, до сих пор Все это оставалось неизвестным.

Он много раз один в часы ночные Мечтал, что стоит в дом ее ввести, Ее вихры мальчишечьи смешные В послушные косички заплести,

На кухне вымыть чайную посуду, Нагреть свою печурку докрасна, Ей станет так уютно, что она Останется и не уйдет отсюда...

Минутами казалось, что и ей Хотелось быть большой, неосторожной. Сердитые морщинки у бровей, И голос вдруг по-женскому тревожный,

И взгляд такой, как будто вдруг она Заметила посередине фразы Глаза мужчины, койку у окна И ключ в двери, повернутый два раза.

Нет, не повернутый. Но все равно, Пусть три шага ты мне позволишь взглядом. Шаг к двери - заперто. Шаг к лампочке - темно. И шаг к тебе, чтоб быть с тобою рядом...

Но где там! Синеглазая юла, Что ей до нас, до наших темных комнат! Подпрыгнет, сядет посреди стола, Обдернуть платье даже и не вспомнит.

Прижмется, если на дворе мороз, Разуется, чтоб водкой вытер ноги, И поцелует по-смешному - в нос, И на плече вздремнет, устав с дороги.

Недавно целый день была метель. Она за полночь на часы взглянула, Без спросу застелив его постель, Калачиком свернувшись, прикорнула.

Он лег у ног ее, как верный пес, Он видел из-под сдвинувшейся шубы Беспомощные завитки волос, По-детски оттопыренные губы.

Так близко, так ужасно далеко Она еще ни разу не бывала. Чем так заснуть беспечно и легко, Уж лучше бы совсем не ночевала.

Хотелось крикнуть. Выгнать на мороз Безжалостно, под носом хлопнуть дверью За это равнодушное, до слез В такую ночь обидное доверье.

Зато теперь он едет. В самый раз. Он должен поскорей от рук отбиться. От рук ее, от губ ее, от глаз, В кого придется, наскоро, влюбиться.

Зубрить, зубрить, и в пять утра вставать, И засыпать над книгой как попало, Не вспоминая, падать на кровать И сразу спать. Иначе все пропало.

Вот только жаль, что рельсы и столбы Легли соблазном между городами, А предки ждать решения судьбы Привыкли месяцами и годами.

Легко им было забывать навек, Когда, кряхтя, тащились колымаги, Когда казенный сонный человек По тракту вез почтовые бумаги!

А мы? Вокзал и почта за углом, Нам трудно день прожить без покаянья. Забвенье стало трудным ремеслом, Когда у нас украли расстоянья.

4 На Спасской башне било семь. Москва Еще была в рассветной синей дымке. Шипели в снеготаялках дрова, Свистели постовые-невидимки.

Под буквами неоновых реклам Сидели сторожа с дробовиками, Похлопывая красными руками По рыжим громыхающим бокам.

Прозрачной, тонкой струйкой купороса Дымки из труб летели от застав, Казалось, целый город, только встав, Затягивался первой папиросой...

Москва в его глазах была большой, Трамвайной, людной и немножко страшной. В ней были Кремль и Сухарева башня И два театра - Малый и Большой.

Но стоило войти в нее с утра, Увидеть сторожей у магазинов, Заметить дым последнего костра, Услышать запах первого бензина,

Чтоб вдруг понять, что с этой Москвой Им можно положиться друг на друга, Что этот город, теплый и живой, В конце концов ему уделит угол.

Понравься ей. Работай по ночам И утром пояс стягивай потуже, Ни в чем не уступая москвичам, Учись у них, ты их ничем не хуже.

И если разболится голова И будешь плакать, сидя в чухлом сквере, Никто не вытрет слез твоих. Москва Таким слезам по-прежнему не верит.

Какое б море мелких неудач, Какая бы беда ни удручала, Руками стисни горло и не плачь, Засядь за стол и все начни сначала.

А вот и дом, куда он так летел, Старинное святилище науки. Московских зодчих золотые руки Тут положили прочности предел.

Тут все ему внушало уваженье: Тяжелые чугунные замки, Львы у ворот, лепные потолки, Высокие до головокруженья.

По коридорам шли профессора Один другого старше, старомодней. Он их и не заметил бы вчера, Но с трепетом смотрел на них сегодня

На их стоячие воротнички, На узенькие, дудочками, брюки, Подвязанные ниточкой очки И в синих жилках старческие руки.

К полуночи он возвратился в дом, Где им с утра ночевку указали, Где топчаны, добытые с трудом, Как хвойный лес, стояли в темном зале.

Курили, говорили о Москве. Одним, казалось, далеко за тридцать, Другие только начинали бриться, Но мальчики здесь были в меньшинстве.

Сюда сошлись, на бивуак ночной, Все больше люди с крепкими руками, С хорошей выучкою за спиной. Они себе казались стариками,

Так много за недолгие года Пришлось трудов жестоких пережить им, На голом месте строить города, Кочуя по холодным общежитьям.

Он лег, не раздеваясь, у окна. На свет и тень нарезав зал ломтями, Вся в хлопьях снега, белая луна На подоконник оперлась локтями.

В такую ночь и спать не впору нам. Нам нужно, чтобы плиты были гулки, Чтоб нам, привыкшим к четырем стенам, Вдруг помогали думать переулки.

Он, ежась, вышел в темный коридор. Свет не горел. В бутылках мерзли свечи. У самой двери старенький вахтер В неслышных туфлях поднялся навстречу:

- Вам телеграмма.- Все еще не веря, Опять читал: "Вернись - я не могу". На бланке буквы как следы до двери На этой ночью выпавшем снегу.

Не может? Лжет. Не может - это значит: Все ходит, ходит ночи напролет, И пробует заплакать, и не плачет, В подушку ртом - как головой об лед.

И вдруг бежит вдогонку за трамваем, Завидя там похожий воротник, Сто раз на

дню упрямо забывая, Что встретиться зависит не от них.

Не может быть, он не сошел с ума, Чтоб верить ей, девчонке-недотроге. Она уже испугана сама. Но телеграмму не вернешь с дороги.

И все-таки на том себя ловлю, Что пробую лицо ее представить, Когда она мне говорит "люблю", Решив себя на память мне оставить,

И не могу. Я вижу только рот, Способный мне сказать два милых слова. Упрямый - сделать все наоборот И детский - тут же помириться снова.

А вдруг она, упрямец, смогла На каблуках перевернуться круто... Синица тоже море подожгла, И кто-то ж ей поверил на минуточку.

Спешить к ней, задыхаясь на бегу, Как будто море правда загорится, Не оставаясь у нее в долгу, За сумасбродство отплатить сторицей.

Пусть, спутав все, любя и не любя, Придет к тебе, и рада и не рада. А ты поверь и обмани себя, Решив, что так, наверное, и надо.

Без шапки, наспех натянув пальто, Он выбежал в ночной, пустынный город И не узнал его. В нем все не то. Сгребают с крыш, и снег летит за ворот,

И доски, как нарочно, поперек, И грохот льда, летящего по трубам, Чтоб не ходил, чтоб сам себя берег, Ему всю ночь напоминают грубо.

Как трудно, сжившись с городом с утра, Вдруг встретить ночью - темным, непохожим И, зная, что бросать его пора, Опять себя почувствовать прохожим.

Да стоит ли еще она того, Чтоб в книги не заглядывать по году, Чтоб, все забыв, отрекшись от всего, Вернуться, стать мальчишкой ей в угоду?

Он вспомнил комнату, но не такой, В какой он жил, а новой, той, в которой Все тронута уже ее рукой: Со скатертью, с окном, закрытым шторой...

Ее подарки, мелочь, баловство, То абжур, то коврик над кроватью И штопаное ситцевое платье, В котором ходят только для него.

Он наизусть в нем знает все заплатки, Он любит, чтобы дома, встав со сна, Опять вся в школьных бантиках и складках, Как девочка, в нем бегала она.

Да, стоит быть нелепым, безрассудным, Уехать к ней, себе же на беду, Как хорошо, что ничьему суду Такие преступления не подсудны.

Ты в этом не раскаешься сначала, Потом раскаешься, потом тебе Еще придется каяться, что мало В чем каяться нашлось в твоей судьбе.

5 Как все-таки она его ждала! Она не знала раньше, что в разлуке Так глупо могут опуститься руки, Так разом опостылеть все дела.

Она была внезапно лишена Тех маленьких счастливых ожиданий, Той мелочной, но ежедневной дани, Которую нам жизнь платить должна.

Мы можем пережить большое горе, Мы можем задыхаться от тоски, Тонуть и выплывать. Но в этом море Всегда должны остаться островки.

Ложась в кровать, нам нужно перед сном Знать, что назавтра просыпаться стоит, Что счастье, пусть хоть самое простое, Пусть тихое, придет к нам завтра днем.

Любила ли она его? Тревожно Искать портрет. Не узнавать лица, Казалось, присмотреться бы уж можно, А все не присмотрелась до конца.

Ей нравился в нем жесткий рот мужчины, И властное пожатие руки, И первые недетские морщины, И ранние седые волосы.

Ей нравилось, что, идя с нею рядом, Он вдруг дышал, как в гору, тяжело, Блуждая городским замерзшим садом, В пальто ее укутывал тепло

И, руки дольше задержав, чем надо, Терялся и краснел, сходил с ума, Когда она, его смущенью рада, Наивно говорила: "Я сама".

Недавно одолела вдруг усталость. С ним после лыж вернулась чуть жива. Шел снег. Она заночевать осталась, Не из-за снега, так, из озорства.

Ей не спалось, но, притворившись сонной, Она видала, как он лег у ног, Когда-то злой, но ею прирученный Лохматый и взъерошенный щенок.

Такой большой, покорный, терпеливый, Не смеющий ни рявкнуть, ни напасть... Как хорошо владеть им! И, трусливо Зажмурившись, класть пальцы прямо в пасть.

Она уже два года замечала, Что с ним опасно стало быть нежней. Любовью перепугана сначала, Она потом легко привыкла к ней.

Заметила, что он всего слабее, Когда она - девчонка-егоза, Когда она дичится, и робеет, И делает невинные глаза.

Все с ним да с ним. И даже в скучный вечер За то, что он пришел, его браня, Привыкла так, что, кажется, без встречи Сама с трудом могла прожить полдня.

Но ей еще ни разу не мечталось, Забыв про все, прийти к нему домой, Чтоб, кроме вечных слов "моя" и "мой", В погасшем доме звуков не осталось.

И если так, - пожалуй, ведь она Его жалела больше, чем любила. Но в эти дни, когда ей грустно было, Когда, оставшись без него, одна,

Она себе не находила места, Ей показалось, что она лгала, Что мать его, назвав ее невестой, Недалеко от истины была.

Ей захотелось вдруг, без предисловья, Расцеловать его, затормозить И, не спросясь ни у кого, решить, Что это называется любовью.

Послушает? Вернется ли с дороги? По-прежнему ль еще она сильна? Телеграфист был заспанный и строгий, Переспросил зачем-то имена.

И вот вокзал. Бутылки с кипятком, Резиновые, длинные минуты. И скорый поезд, осадивший круто. Последний шаг, плетущийся пешком.

Он в самом деле приезжал сюда. Она должна ему свой голос, руки, тело. - Ждала? - Ждала.- Звала обратно? - Да. - Хотела быть со мною? - Да, хотела.

А ей сказать бы: "Милый мой", Пожалуй, приласкаться осторожно, Чтоб снова провожал ее домой, Чтоб все опять привычно и несложно.

Еще хотя бы год не покидать Лукавого сословия девчонок, И в каждом сне его тревожно ждать, И каждый раз за сны краснеть спросонок.

Быть любопытной и неосторожной, Наперекор мужскому их уму, Знать каждый раз, чего нельзя, что можно, И в руки не даваться никому.

А поезд подходил уже к платформе, Вот кто-то прыгнул с ходу на перрон. Но, слава богу, тот, в военной форме, Который прыгал, все еще не он.

Скорей в толпу, не думая, а там Пусть будь что будет; подождать немного, Пусть не идет за нею по пятам, Она сама найдет потом дорогу.

Бежать, но раньше хоть одним глазком Увидеть, что приехал в самом деле, А если нет - глаза зажать платком, И звать опять, и ждать еще неделю.

6 Не может быть. Он обежал вокзал. Он грудью бился в запертые двери. Она придет - да кто тебе сказал? Уже поняв, но все еще не веря, Бежал, бежал, как белка в колесе, По этому грохочущему аду, Где были все, кого не надо, все, Все, кроме той, которую нам надо,

Чего все это стоило ему Он понял, лишь домой к себе приехав. Десятки книг, не нужных никому, Забытых стен нетопленное эхо.

И никого. Пустой и длинный день. Бывает одиночество такое, Что хочется хоть собственную тень Потрогать молча на стене рукою.

Мальчишка плачет, если он побит, Он маленький, он слез еще не прячет. Большой мужчина плачет от обид. Не дай вам бог увидеть, как он плачет.

Он плачет горлом. Он едва-едва С трудом и болью разжимает губы, Он говорит ей грубые слова, Которых не позволил никому бы.

Он говорит ей - милой, дорогой Слова сухие, как обрезки жести, Такие, за которые другой Им был бы, кажется, убит на месте.

Не скинув шубки, двери не закрыв И не отерши ноги на пороге, Она к нему вбежала, как порыв Нежданной им и ветреной тревоги.

Так в комнату к нам входят только раз, Чтоб или в ней остаться вместе с нами, Или, простившись с этими стенами, Надолго в них одних оставить нас.

Что можем мы заранее узнать? Любовь пройдет вблизи. И нету силы Ни привести ее, ни прочь прогнать, Ни попросить, чтоб дольше погостила.

Он шаг ее услышал за стеною, Но, не поверив, что пришла она, На всякий случай стал к дверям спиною, Касаясь лбом замерзшего окна.

Она швырнула на пол рукавицы, Чтоб он не слышал, туфли с ног сняла, На цыпочках пройдя по половице, Его за шею сзади обняла.

И только здесь, услышав шорох платья И рук ее почувствовав тепло, Он в первый раз поверил, что пришло Его простое, будничное счастье,

То самое, которого, не плача, Не жалуясь, мы долго ждать должны. Нам без него нерадостны удачи, Труды скучны, победы не нужны.

Ему осталось только потесниться, Обнять ее, своим теплом согреть, От слез, от снега мокрые ресницы Рукою неуклюже отереть.

* Третья глава * 1 Лишить бы нас печального пристрастия Вновь приезжать на старые места, Как был бы рад из памяти украсть я Ту комнату, которая не та, Давно не та,- другими нанята И все-таки, назло тебе, похожа, Похожа так, что вдруг мороз по коже, Когда пройдешь на память этот дом И лампу под зеленым колпаком, Теперь под желтым. Почему под желтым? Всего семь лет, как из дому ушел ты, И вот они уж рады - кверху дном.

Ты будешь проходить здесь только днем, Чтоб не встречать все эти перемены: Зачем-то перекрашенные стены, Дешевых люстр стеклянные подвески И толстые чужие занавески, Которых мы не покупали с ней. Я этот дом пройду, закрыв глаза, Я попрошу, раз иначе нельзя, Играющих на улице детей, Скажу, что слеп. Вдвоем с поводырем, Зажмурясь, я пройду проклятый дом.

Мальчишка-поводырь мне за гроши Солжет, что здесь не та земля и небо, И сослепу, не встретив ни души, Поверю сам, что я тут прежде не был.

Я заплачу, чтоб день прожить незрячим. А память? Жаль, что не заткнешь ей рта. Полжизни уписав на пол-листа, Мы память сложим вчетверо и спрячем.

На что нам память? Сдать бы напрокат, Чтоб, как большие черные рояли, В чужих

квартирах памяти стояли. Пускай в них барабанят наугад,

Пусть, сев, как втрое сломанная палка, Там будет гаммы девочка играть, Чужую память никому не жалко, И даже лень настройщика позвать.

Какие только мысли не взбредут В бессонницу, когда мы подъезжаем, И проводник уже стучится с чаем, И три соседа нехотя встают,

А ты упорно смотришь за окно, Как будто правда кто-то может встретить... - Вы здесь бывали? - Да, бывал.- Давно? - Семь лет назад.- Что ж им еще ответить?

Вы никогда не думали, что вдруг Уйдем - и нет ни тумб, ни крыш, ни ставен. Вернемся: ловкое движение рук И все назад, как фокусник, расставим?

Не думали? Но поезд, подойдя, Уже был вровень с низкими домами. Перрон в окне за каплями дождя Бежал, прикрывши голову зонтами.

Уже засуетились чьи-то жены, Уже стучали пальцами в стекло, А нам с тобой опять не повезло, Нас только дождь встречает у вагона.

Ну что ж, ведь мы транзитные. Для нас Не всюду приготовлена погода. Нам только скоротать бы лишний час До позднего отплытья парохода.

Что, в самом деле, мало нам земли? Есть поезда на Пензу, Минск и Тулу. Так нет, другой дороги не нашли, Опять на пепелище потянуло.

Вот этот дом - теперь ходи кругами, Ходи, пока не высохнет песок, Пока земля, как серный коробок, У нас не загорится под ногами.

Твое лицо едва ль кому напомнит Того мальчишку, что давным-давно Жил за стеной в одной из этих комнат, Смотрел сквозь это темное окно,

Не зная цен утратам и привычкам, Еще не веря в тот счастливый год, Что, как в тайге зимой последним спичкам, Минутам счастья есть поштучный счет.

А дом все тот же. И в жару и в стужу Не то что нам - ему износу нет, Сквозь перекраски пятнами наружу Опять пробился прежний, детский цвет.

Здесь женщина, с которой когда-то Он прожил год в своем пустом углу, Тревожно, неуютно, небогато, Раскладываясь на ночь на полу.

Здесь женщина, с которой слишком долго Они дружили, обманув себя, И вдруг сошлись, не разобравшись толком, Уже перетерпев, перелюбя.

Их чувству дружба прежняя мешала: Они стыдились признаваться в нем, И то, что было ночью, их смущало, Смотреть в глаза не позволяло днем.

Здесь женщина, с которой слишком быстро Они расстались, не успев решить. Бывают расставания как выстрел Ни дня, ни часу дольше не прожить.

В них ничего не жалко и не странно, От них, вперед решая быть умней, Страдают, как от огнестрельной раны, И, выжив, поправляются в пять дней.

Но есть еще другие расставанья: Без громких ссор, без точки на конце, Ползущая сквозь дни и расстоянья Болезнь, похожая на ТБЦ,

Уже все зарубцовано, по году Уже врачей мы не пускаем в дом, И вдруг весной, в ненастную погоду, Опять, как рыбы, ловим воздух ртом.

Под южным солнцем заметая след, Сбежать бы в Крым или - еще полезней Сжечь пачку писем, вот уж много лет Подшитую к истории болезни.

Здесь женщина, которая причастна К такому списку самых черных дней, К такой любви, нелепой и несчастной, Ко стольким бедам юности моей,

Что, вздумай мы по этим пятнам темным Себя сквозь память, как сквозь строй,
прогнать, С другими мы и счастья не припомним, С ней - и несчастье будем
вспоминать.

Нет, он сюда зайдет в обрез. Зайдет Уже перед отплытьем, мимоходом. Он
поцелует руку, и вздохнет, И скажет, что прекрасная погода,

Что он случайно оказался тут, И вот зашел, и что пора в дорогу. Что скажешь ей за
эти пять минут? Да ничего. Ну вот и слава богу.

2 Куда ж пойти? Еще не знаем сами. И нужно и ко всем, и ни к кому. И люди с
посторонними глазами Навстречу попадают ему.

Он вдруг сообразил, что, как ни странно, Но так же, как и он, его друзья, Прожив
тут юность, с легким чемоданом Перебирались в дальние края.

Куда ж пойти нам? За угол и прямо, Знакомый непокрашенный фасад, Печальный
дом, где много лет назад В твою отлучку умирала мама.

Пять дней не умирала - ожидала; Казалось, никогда не обижал, А тут вот
телеграмма опоздала, Она звала, а ты не прибежал.

Как ей, должно быть, было одиноко! На телеграмму денег наскребла. А сын не
едет, сын ее далеко, У сына, верно, важные дела.

По целым дням глядела на дорогу, Глаза от света заслонив рукой, До самой смерти
верила, как в бога, Что он приедет, он ведь не такой.

Стыдилась переспрашивать соседок, Послали телеграмму или нет, Отчаявшись,
мечтала напоследок, Чтоб хоть по почте ей прислал ответ.

Он снова вспомнил темный зимний вечер, Притихший дом, весь в восковом тепле,
И праздничные тоненькие свечи, Как в день рожденья, в детстве, на столе.

Присев на лавку у ворот, устало Взглянул на дом, на фикусы в окне. Ему сегодня
только не хватало Взять и заплакать, прислонясь к стене.

Чтоб постовому дети рассказали, Как за углом на улице один Сидит и заливаётся
слезами Седеющий высокий гражданин.

Чтоб постовой узнал, откозырявши, Спросив, не надо ль помощи ему, Что
гражданин к мамаше умиравшей Не смог прибыть и плачет потому.

Он вспомнил руки матери. Ее Все в мелких ссадинках худые пальцы. Они с
рассветом брались за белье И с темнотой - за спицы или пяльцы.

Такие быстрые, как ни следы, Все что-то надо тормозить и трогать. Она в гробу
впервые их, должно быть, Сложила неподвижно на груди.

Сбиваясь с ног, чтоб дома было чисто, Прислуга всем с утра и дотемна, Мать в
праздник вспоминала, что она Сама была женой телеграфиста.

По воскресеньям в гости уходя, Брала с гвоздя завернутую в тряпку, Увядшую от
снега и дождя, Чуть не до свадьбы купленную шляпку.

Он помнит все подробности - она Висела в комнате на видном месте. Отец купил ее
еще невесте, Ее носила тридцать лет жена, Потом вдова. Нет, он не взял ее, Он с
похорон уехал без оглядки.

Соседи разобрали все старье: Венчальный шлейф и белые перчатки, Стеклярусом
обшитый кушачок. Атласный лиф с засохшей розой чайной Тот самый черный
мамин сундучок, Который в детстве был такою тайной.

Все разлетелось по чужим рукам, В чужие, равнодушные квартиры. Для нас

мучительные сувениры Легко и просто приживались там.

Ему сейчас внезапно захотелось Хоть на минуту маму возвратить, Ее худое легонькое тело Поднять и на колени посадить,

Придравшись к позабытым именинам, Все городские лавки обойти, На все, что есть, как свойственно мужчинам, Нелепые подарки принести.

- Спасибо, милый.- Стой, да где ж она? Ведь только что еще жила на свете И вдруг ушла. Играющие дети, Чужие окна, темная стена.

З Осталось меньше часа до отъезда. Теперь зайти нам самая пора В тот дом, как заколдованное место, Нам в руки не дающийся с утра.

Он побежал, как мальчик на свиданье, Как будто в доме нас и правда ждут, Как будто страшно лишних пять минут Прибавить к стольким годам опоздания.

Он приоткрыл чуть скрипнувшие двери. Все было тихо. Только в двух шагах Шел по полу мальчишка и с доверьем Разглядывал мужчину в сапогах.

Он подхватил мальчишку. Нет, не в мать. Совсем не в мать: белесый, светлокожий. И все же чем-то - сразу не поймать Лукавством, что ли, на нее похожий.

- Да сколько же тебе? - Четыре года. - Где мама? - Там...- И, не спуская с рук, Вошел в другую комнату, как в воду, На всякий случай взял с собою круг.

Ну да, конечно, как же не узнать. Он все-таки решил сюда вернуться? Она сейчас, он должен подождать, Пока она покормит, отвернуться.

Он оглядел квартиру. По углам Стояли этажерки и комоды, И стайки туфель, вышедших из моды, Паслись у ножек стульев здесь и там.

Квартира даже в сумрак, в тишине, Была, как днем, шумна и суетлива. В ней, как в часы отлива и прилива, Слонялись вещи от стены к стене.

Здесь девочки давно простыл и след. Привычками заменены причуды. Здесь женщина. Ей завтра тридцать лет, И в детство ей не убежать отсюда.

- А вот и я.- Вот и она сама. - Совсем седой, как изменился, боже! За все семь лет ни одного письма. - А ты ждала? - Нет, не ждала. Но все же...

- Что все же? - Все же... Впрочем, все равно, Позвал тогда,- пожалуй, прибежала б. Все трын-травую поросло давно, Теперь не нужно запоздалых жалоб.

Знакомый жест - закинутый назад Упрямый подбородок недотроги, А взгляд не тот, ленивый, смиренный взгляд, Уже привыкший гаснуть с полдороги.

Он сходство в ней отыскивал напрасно. Все стало вдруг до странности другим, Быть может, материнским и прекрасным, Но бесконечно меньше дорогим.

Черты как будто изменились мало, Все те же губы, но лицо ему Ничем о прошлом не напоминало И в будущем не звало ни к чему.

Нет, вовсе нет, она не постарела, Ее почти не тронули года, А просто все не так: не так смотрела, Не так ходила, все не как тогда.

На коврике под детской кроватью, Среди подвязок, туфель и чулок, Валялась тряпка - выцветший кусок От старенького девичьего платья.

Должно быть, ею уж не первый год Стирали пыль и вытирали туфли, И ситцевые розочки потухли От этих многочисленных невзгод.

Оправившись от первой суеты, Она была, должно быть, правда рада, Что дождь прошел, и вот приехал ты, И можно выйти погулять по саду.

Ей, право, очень кстати твой приход, Чтоб мстительно похвастаться семьей,
Сказать, что сыну скоро пятый год (А мог девятый быть у нас с тобою),

Что младший весь пошел лицом в отца (А мог в тебя). Намеки были робки, Нигде не прорывались до конца, Но в каждой фразе замыкались в скобки.

Так и живем. Да, счастливы, давно... А в скобках: и безжалостны к потерям. Все хорошо. А в скобках: все равно Завидуешь. Не прячься. Не поверим.

- А ты все так же? - Как?..- Все так же, ну... Вдруг с ноткою обидного участия К тому, что не нашел себе жену, Не то, что мы. Себе не склеил счастья.

- Так все и бродишь? - Так уж повелось, Когда-то ведь за это и любила. - Была глупа, да мало ли что было, Нельзя ж мальчишкой до седых волос.

Кто эта женщина? Как после сна, Глаза ладонью протереть невольно. Нет, не она. Конечно, не она. Семь лет он лгал себе. С него довольно.

Она обманом выкрала у той Знакомую привычку морщить брови, И детский рот с упрямою чертой, И милую картавость в каждом слове.

А если поглядеть со стороны, Как два влюбленных, словно все в порядке, Он и она вдоль каменной стены Шли через сад, рассматривая грядки.

- Да, примулы, а это - с резедой. Тут смяли дети - бегали в горелки. А здесь табак, а вон на крайней той...Он, чиркнув спичкой, поглядел на стрелки.

Да, он спешит, да, едет ближе к ночи. Не хочет ли он мужа подождать? Да нет, по правде говоря, не очень. Совсем по правде? Лучше б не видеть.

Ревнует к мужу? Слава богу, нет. Писать ей письма? Нет, писать не станет. Когда заглянет? Пропадал семь лет, Еще на семь исчезнет и заглянет.

Он вышел вон. У поворота к школе, Ютясь в пальтишко узкое свое, Шла выросшая девочка, до боли Похожая на прежнюю ее;

Похожая почти до совпадения, Неся в руках похожие цветы, Прошла, как мимолетное виденье, Прошла, как гений чистой красоты.

И вдруг он понял: вот с кем он прожил Все эти годы странствий и обманов, Вот чьи он фотографии возил На дне пустых дорожных чемоданов.

Да, девочка. И голубой дымок, И первых встреч неясная тревога, И на плечи брошенный платок, Казенный дом и дальняя дорога.

Сквозь время тоже ходят поезда, Садимся без билетов и квитанций, Кондуктор спросит: - Вам куда? - Туда.И едем до своих конечных станций.

Такой уж путь. На счастье ль, на беду, Но, выехав за первый дачный пояс. Не выскочишь, раздумав, на ходу. Не пересядешь на обратный поезд.

Смотри назад: за сеткою дождя, По-детски руки протянув с перрона, Там девочка еще стоит, следя За фонарем последнего вагона.

- А эта женщина? - Да вы о ком? Об этой? Нет, о ней я не печалюсь. Знаком ли с ней? Да, помнится, знаком, Давным-давно мы где-то с ней встречались.

1936-1941

О книге

Книга подготовлена пользователями библиотеки . Читайте или скачивайте эту и другие книги на сайте библиотеки бесплатно и без регистрации.

Адрес публикации: